

духъ; онъ поставилъ ногу на грудь мертвецу такъ крѣпко, что слышно было, какъ захрустѣли кости, и, принявъ торжественный видъ жреца, произнесъ:—Свершилось—первое мое желаніе—онъ палъ, вотъ онъ—убійца моихъ надеждъ; вотъ онъ, губитель моего пераго блаженства—ненавижу тебя и въ могилѣ, и берегись, если мы когда-нибудь встрѣтимся на томъ свѣтѣ! А ты, Ольга,—ты ступай, куда хочешь, между нами всѣ счеты кончены; я тебѣ заплатилъ—живи, умри—мнѣ все равно—прощай, сестра!—прощай и ты, бѣдный юноша!

И Вадимъ, пожавъ плечами, приподнял голову мертваго за волосы, обернулъ ее къ фонарю, взглянулъ на позелѣвшее лицо—вздрагнувъ, взглянулъ еще ближе и пристальнѣе—вдругъ закричалъ и отскочилъ какъ бѣшеный—голова, выпущенная изъ рукъ, ударилась о землю какъ камень; это было мгновеніе, но въ семь мгновеній закончилась цѣлая и ужасная драма. Вадимъ, обманутый въ послѣдней надеждѣ, потерялся; онъ не могъ держаться на ногахъ: блѣдный, страшный, онъ присѣлъ на скамью—и какъ вы думаете, что онъ дѣлалъ? плакалъ; да, плакалъ, какъ ребенокъ, горькими слезами.

Онъ сидѣлъ и рыдалъ, не обращая вниманія ни на сестру, ни на мертваго: Богъ одинъ знаетъ, что тогда происходило въ груди горбача, потому что, закрывъ лицо руками, онъ не произнесъ ни одного слова болѣе... онъ, казалось, понялъ, что теперь боролся уже не съ людьми, но съ Провидѣніемъ, и смутно предчувствовалъ, что если даже останется побѣдителемъ, то слишкомъ дорого купитъ побѣду; но непоколебимая желѣзная воля составляла все существо его, она не знала ни преградъ, ни остановокъ, стремилась къ своей цѣли! Такъ неугомонная волна день и ночь безъ устали хлещетъ и лижетъ гранитный берегъ: то старается вспрыгнуть на него, то снизу подмыть и опрокинуть; долго она трудится напрасно, каждый разъ отброшена въ дальнее море... но ничто ее не можетъ успокоить: и вотъ проходятъ годы, и подмытая скала срывается съ берега и съ гуломъ погружается въ бездну, и радостныя волны пляшутъ и шумятъ надъ ея могилой.

И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ противостоять твердой волѣ человѣка? Воля заключаетъ въ себѣ всю душу: хотѣть—значитъ ненавидѣть, любить, сожалѣть, радоваться, жить; однимъ словомъ, воля есть нравственная сила каждаго существа, свободное стремленіе къ созданію или разрушенію чего-нибудь, отпечатокъ божества, творческая власть, которая изъ ничего созидаетъ чудеса... О, если бѣ волю можно было разложить на

цифры и выразить въ углахъ и градусахъ—какъ всемогущи и всезнающіе были бы мы!

Ее знаю, сколько часовъ сидѣлъ въ забытіи Вадимъ, но когда онъ поднялъ голову, то не нашелъ возлѣ себя сестры; свѣжій вѣтеръ утра, прорываясь въ дверь, шевелилъ платиный убѣтаго и по временамъ, казалось, что онъ потрясалъ головой: такъ высоко взвѣвались рыжіе волосы на челѣ его, увлажненномъ густой, полузапекшейся кровью. Вадимъ холодно взглянулъ на Федосея, покачалъ головой съ сожалѣніемъ, переиначивъ черезъ протынутыя ноги и пошелъ скорыми шагами вдоль по оврагу. Востокъ блѣлъ примѣтно, и розовый блескъ змѣей обрисовывалъ нижнія части большого сѣраго облака, которое, имѣя видъ коршуна съ растянутыми крылами, державшаго змѣю въ когтяхъ своихъ, покрывало всю восточную часть небосклона; фантастически отдѣлялись предметы на дальнемъ небосклонѣ, и высокія сосны и березы окрестныхъ лѣсовъ чернѣли, какъ часовые на рубежѣ земли; природа была тиха и торжественна, и холмы начинали озаряться сквозь бѣлый туманъ, какъ иногда озаряется лицо невѣсты сквозь брачное покрывало; все было свято и чисто—а въ груди Вадима какая буря!

ГЛАВА XXI.

Было около двухъ часовъ пополудни; солнце медленно катилось по жаркимъ небесамъ и гибкіе верхіи деревъ едва колебались, нерешитываясь другъ съ другомъ; въ густомъ лѣсу изрѣдка пощѣвали странствующія птицы, изрѣдка, вѣщая кукушка повторяла свой унылый напѣвъ, мѣрный, какъ бой часовъ въ сырой готической залѣ. На муравѣ, подъ огромнымъ дубомъ, окруженные часто-сплетеннымъ кустарникомъ, сидѣли два человѣка: мужчина и женщина; ихъ руки были исцарапаны колючими вѣтвями, и платья изорваны въ долгомъ странствіи сквозь чащу; усталость и печаль изображались на ихъ лицахъ, молодыхъ, прекрасныхъ.

Молодая женщина, скинувъ обувь, измоченную росы, обтирала концомъ большого платка розовую маленькую ножку, едва разрисованную лиловыми тонкими жилками, украшенную вѣжными прозрачными ноготками; она по временамъ поднимала голову, отряхнувъ волосы, ниспадающіе на лицо, и улыбалась своему спутнику, который, облокотясь на руку, кидалъ разсѣянные взгляды то на нее, то на небо, то въ чащу лѣса. По временамъ онъ наморщивалъ брови, когда мрачная мысль прокрадывалась въ умъ его; по временамъ неожиданная влажность покрывала его голубые глаза—и если въ это время они встрѣчали радуж-